

Юлия Табакарь

18+

ШКАФ

метафорические рассказы

Юлия Табакаръ

Шкаф. Метафорические рассказы

«Издательские решения»

Табакаръ Ю.

Шкаф. Метафорические рассказы / Ю. Табакаръ —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-563719-2

«Шкаф» уже звучал в эфире радиостанции «Гомель Плюс» как победитель международного конкурса коротких рассказов. С него и начинается этот сборник, в который вошло 47 историй. Их герои многоплановы: Баба-Яга в роли психотерапевта; хирург, «отрезающий» от души все лишнее; самостоятельная Ева; Адам, застрявший перед телевизором на диване; Бог, которого принимают за фокусника. Скучать не придется!

ISBN 978-5-00-563719-2

© Табакаръ Ю.
© Издательские решения

Содержание

Шкаф	6
Во всем виноват Зельд	8
Жертвоприношения	10
Аэропорт	12
Неоскай	14
Ева	16
Летели двое на воздушном шаре	18
Перемотка	20
Мальчик, которого стало меньше	23
Средний возраст	25
Звонок	27
Нихтер	29
Ариэль	31
Девочка и ангел	34
Однажды бог пришел увидеть этот мир	35
Радио советов	37
Открытая дверь	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Шкаф

Метафорические рассказы

Юлия Табакарь

Иллюстратор Елена Иванина

© Юлия Табакарь, 2022

© Елена Иванина, иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-0056-3719-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шкаф

– Что привело вас на прием? – спросил врач у женщины, сидевшей перед ним. Она была изящной и со вкусом одетой, но казалась напуганной. Рядом с ней сидела худенькая девочка, очень похожая на нее, только с блуждающей улыбкой на лице.

– Я прошу вас помочь моей дочери. Она считает, что я все время сижу в шкафу, и каждый день просит меня отсюда выйти.

– Но вы не сидите в шкафу?

– Вовсе нет. Я живу нормальной жизнью, я нормальный человек.

– Вам придется выйти, – сказал врач, обращаясь к женщине. Она смотрела на него с ужасом.

– Из шкафа?

– Нет, из кабинета. Беседа возможна только наедине с пациентом.

– Но моей дочери всего 9...

– Прошу вас.

Когда, беспокойно оглядываясь и поправляя на себе одежду и прическу, женщина удалилась за дверь, все внимание врача обратилось на девочку. У нее были длинные темно-каштановые волосы, аккуратно причесанные и уложенные волной.

– Ты сама делала себе прическу?

– О нет, – ответила она, улыбнувшись. – Моя мама обращает много внимания на внешнее.

Она покупает мне платья и делает прически.

– На что обращаешь внимание ты?

– На то, что вижу.

– А что ты видишь?

– То, что внутри.

– А что внутри у меня?

– У вас внутри человек.

– Да, я человек, это очевидно.

– Нет, другой человек. Другой. Он говорит вам, что нужно делать.

– А кто этот другой человек?

– Ваш папа, конечно же.

– И что же он мне говорит?

– Он говорит, что вы должны получать хорошие оценки, добиться успеха, ходить с кожаным портфелем, жениться, родить двоих детей, открыть частную клинику, быть как все нормальные люди. У него в руке толстая книга с правилами, он читает вам ее каждый день. Папа строгий. Вам нельзя ошибаться ни в чем.

Доктор внимательно посмотрел на девочку. У нее были большие глаза цвета темного шоколада, обрамленные длинными густыми ресницами. Девочка выглядела довольно отрешенной и смотрела будто сквозь него. Он вспомнил своего отца, который был теперь совсем пожилым, но будто продолжал ждать от сына хороших оценок.

– А еще вы повсюду водите с собой собаку, – просияла девочка.

– Но тут нет собаки, – улыбнулся доктор, пытаясь показать очевидное.

– Собаку, которую вам не разрешили приютить. Вы не смогли оставить ее одну на улице, и поэтому взяли ее внутрь себя и с тех пор водите ее с собой повсюду уже тридцать лет. Иногда она лает на вашу жену. Собака красивая. Она черного цвета с белой грудкой и висячими ушами. Вот бы ее погладить, – улыбнулась девочка, не замечая, как взрослый мужчина, сидевший перед ней, побледнел.

– А ты можешь?

- Могла бы, но вы не пустите меня в свой мир.
 - Почему ты так решила?
 - Ваш мир за высоким стеклянным забором, из-за которого вы смотрите на людей, которых считаете душевнобольными.
 - Я помогаю людям обрести равновесие.
 - Тогда я хочу, чтобы вы помогли моей маме.
 - Ей нужна помощь?
 - Да. Она все время сидит в шкафу и разбирает свои кофточки, юбки и платья. Из шкафа она работает. Мама ведет блог и советует другим, как надо одеваться. Отвечает на звонки и иногда даже смеется. Но смех не звонкий, потому что он из шкафа.
 - Почему она оказалась в шкафу? Ее кто-то туда посадил?
 - Нет, ну где вы видели чтобы людей сажали в шкаф? И к тому же он не заперт. Она просто испугалась, спряталась когда-то и так и стала там сидеть. Все вокруг ей кажется очень страшным. Она и меня хочет забрать к себе в шкаф. Она меня так спасает.
 - От чего?
 - От своего страха.
- Доктор задумался, затем нажал на кнопку на столе. В дверь сразу постучали.
- Войдите, – сказал врач.
- В кабинет вошла мама. Обращаясь к девочке, доктор сказал:
- Подожди маму снаружи.
 - Она выйдет? – просияла девочка.
- Он улыбнулся.
- Я надеюсь, что да.

Во всем виноват Зельд

Юный Зельд был польщен, став зрителем старого маяка, который высился на скалистом берегу. Однако радость его была недолгой. В ту же ночь случился сильный шторм. Сколько ни бился Зельд, ручка включения маяка не работала. Впервые за двести лет он погрузился во тьму. Зельд побежал звать на помощь отца, но было поздно. И пока весь мир спал, укутанный в домашнюю тишину, как в пуховое одеяло, ледяные двадцатифутовые волны бросили на скалистые рифы старое рыболовецкое судно. Утром жители острова после чашки кофе и обильного завтрака нашли прибитые к берегу обломки, фунты дохлой рыбы и бездыханные тела моряков. «Во всем виноват Зельд», – сказала старая фру Ингер. Так и пошло.

Вспомнили, что когда Зельд стал ходить в школу, учитель сломал ногу и остался хромым на всю жизнь. Поняли, что от взгляда Зельда вянет зелень в саду и болят овцы. Старый его отец слишком замкнут и никогда не вымолвит лишнего слова, встретив соседей. Он явно что-то скрывает. И все это неспроста.

Семнадцатилетний мальчишка был высоким, как жердь, и бледным, как парус. Казалось, он не управляет телом, а ветер направляет его в пути. Его не спрашивали: «Где ты был?», а всегда: «Где тебя носило?» Говорили, что он подкидыш, и что в действительности его усопшая мать никогда не могла иметь детей. Шептали, что его отцу вовсе не шестьдесят, а все сто двадцать, а может, и более того, ведь он никогда не отмечает свой день рождения.

Год спустя после кораблекрушения, ровно в тот же день, случилось еще одно страшное несчастье. Посреди лета от внезапных заморозков погибла вся посаженная на острове картошка, а ледяной град побил всю пшеницу. Официантка в единственном на всем острове кафе поделилась с посетителями свежей историей, что накануне Зельд несколько часов сидел за столиком в углу и пил чай. Он все время мерз и, когда другие сидели в футболках, одет был тепло, и зубы его стучали, а взгляд исподлобья был тёмный. Вот с кого начались заморозки, добавляла фрекен и горько вздыхала.

Вскоре открылась правда: Зельд управляет погодой. Тогда люди стали стихийно собираться, чтобы пойти к нему всем вместе и потребовать оставить при себе колдовство и покинуть уютный прежде остров.

Но Зельда не нашли ни в этот день, ни потом. Накануне Зельд сидел на берегу и, когда вдруг стемнело, зазвенело и разметалось, а с неба посыпался град, юноша перелез с причала на палубу стоявшего на якоре английского корабля, спустился в незнакомую каюту, прилег на минутку в чужую теплую постель и уснул на два дня.

Очнулся он лишь когда над ним сидел хозяин каюты, улыбочивый бородатый англичанин, собиравший по миру народный фольклор. Оказалось, корабль отплыл далеко от острова, когда вдруг выяснилось, что на нем есть непрощенный гость с признаками лихорадки. В бреду бледный юноша бормотал что-то невнятное об убитых им морях, овцах и посевах.

Зельд категорически отказался возвращаться на остров и умолял оставить его на корабле. Будучи честным человеком, он предупредил ученых, что он приносит одни несчастья и что всё, к чему он прикасается, превращается в пепел. Посмеявшись, ученые разрешили ему остаться до возвращения на материк. А когда мальчишка выздоровел, его отправили работать над обедом. Однако предсказания в очередной раз сбылись. Спустя два часа Зельд в отчаянии предъявил почерневшую от усердной готовки рыбу.

Ужас перед собственными преступлениями был ядовит и вязок. Юноша винил себя буквально во всем. Он говорил много, будто до сих пор его речь, полная витиеватых пословиц и легенд, была перекрыта плотиной, которую теперь прорвало. Англичане садились возле Зельда и старательно записывали в свои фольклорные путевые заметки его необычайно красочные и трагические рассказы. Как мальчишкой он дул в трубочку из сорванной травинки

и поднял сильный ветер, который унес с веревки во дворе папину рубашку. Как он бежал за ней и увидел в траве змею. Как рассказал об этом всем соседям и над ним смеялись два дня, ведь на острове никогда не было змей. Смеяться перестали, только когда змеи появились даже в домах. Смотрели с тех пор на него косо и с подозрением. Люди верили, что змеи на островах появляются только тогда, когда темные силы бросают их прямо с неба.

Зельд говорил, ученые писали. Все в этом мире было ему подвластно и в то же время постоянно выходило из-под контроля. И он не мог научиться управлять этим правильно, не находил себе места и очень хотел бы больше не причинять никому вреда.

– Но в чем же ты виноват, Зельд? – спросил самый старший в команде ученых, которому вдруг стало жаль этого суеверного мальчишку. – Ведь не ты подкинул этих змей. И не ты убил тех моряков...

– Но я убил мать! – выпалил Зельд и вдруг поник, словно от удара. – Так говорил отец, когда был пьян. Она умерла в родах, потому что я был слишком большим.

В комнате воцарилась тишина, никто больше не записывал в блокноты.

Зельд выбежал из каюты. Он был сердит на отца, на мать, на соседей, на змей, моряков, ученых, рыб и море. Силясь не расплакаться, он сдвинул брови и с вызовом посмотрел вверх. По небу ползли черные тучи. Надвигалась буря.

Жертвоприношения

Когда солнце скрылось за горизонтом и повеял теплый ветер с юго-запада, наполнивший городские переулки ароматом моря, миндаля и душистого османтуса, Амвросий и Катарина взошли по терракотовым ступенькам к алтарю. Они сели на холодный глиняный пол. Перед ними на каменном возвышении стояли весы с большими плоскими чашами. Амвросий глубоко вздохнул. Катарина, взглянув на мужа искоса из-под густых черных ресниц, решительно положила на одну из чаш весов все свои жертвы.

– Ради тебя и детей я оставила учебу. Я могла быть счетоводом и писала бы палочкой на дощечке, сколько овец и баранов у богатого господина с соседней улицы. Но я забыла о своих интересах, о самореализации и сложила всю свою жизнь к твоим ногам.

– Зря ты это сделала, дорогая жена, – ответил Амвросий. – Когда ты не стала счетоводом, богатый господин с соседней улицы не досчитался одной овцы.

– Я терпела твои глупые шуточки, Амвросий. Взяла на себя все хозяйство. Ты никогда не помогал мне.

– Ты не просила. Я всегда к твоим услугам.

– Тебя никогда нет дома. Я отдала тебе лучшие годы. Я была пальмовым листом, на котором ты писал свои желания. Ты сказал, что твоей жене не пристало плавать на спине в тонких одеяниях в прозрачных водах, и я прислушалась к тебе, хотя в эти счастливые минуты, лежа на волнах, я чувствовала под своей спиной силу Посейдона и полной грудью вдыхала целый мир.

– В этом-то и проблема...

– Ты сказал, что я должна перестать носить короткие туники, и я сшила из них платья для наших девочек. А сама ходила в одежде, которую нужно разматывать целый день, прежде чем догадаешься, мужчина я или женщина.

– Ты слишком красива, чтобы ходить раздетой.

Амвросий положил на весы свою верность.

– Я выбрал тебя, женщина, ты стала матерью моих детей.

Но Катарина убрала с весов легкую, как перышко, верность.

– С другой раздетой женщиной ты проводил ночи.

– Никогда.

– Сегодня я вырвала из ее головы кудрявую прядь.

– Угхм...

– И я пришла сюда, чтобы принести еще одну жертву.

– Всемогущий Зевс... – пробормотал Амвросий.

– Есть мужчина, который полюбил меня. Его ухаживания будто возродили мое сердце. Я вспомнила, что я женщина, я увидела дорожку в саду между оливковыми деревьями в лунном свете, и будто мир шагнул мне навстречу, когда... Но я отказалась от него. Ты предал меня, а я предала себя. Я большим пожертвовала.

Амвросий поперхнулся, чувствуя себя в ловушке хуже, чем у ростовщиков с главной улицы. Он молча поднялся и в задумчивости ушел.

– Зевс, накажи недостойного!

Но Зевс так и не появился. Вечно где-то шляется.

Во сне к ней пришла дочь Афродиты в странном обличье. Была она с короткой стрижкой, в белом платье из тонкой ткани с обнаженной спиной, с лучезарной божественной улыбкой. Она сидела в саду, вокруг порхали желтые бабочки и садились ей на руки и плечи. Рядом лежали жертвы Катарина.

– Так мои жертвы приняты? – спросила Катарина.

– Нет. Это так не работает. Пойди к алтарю и забери все, что ты положила. И будь наконец-то счастлива.

Аэропорт

Багажа было столько, что таксист, вынимая вещи из машины, смотрел на молодую женщину с нескрываемым удивлением.

- Надолго уезжаете? – уточнил он.
- Сложно сказать, – улыбнулась она.
- Куда летите?
- Еще не решила.

Таксист взглянул на стоявшие в пешеходной зоне вещи, пожал плечами, сел в машину и уехал, а она подкатила багажную тележку и сложила все пять чемоданов один на другой.

Уже месяц ей не давало покоя это настойчивое желание – лететь. Вот только куда?

В аэропорту царил суета, все спешили на свои рейсы. Она подошла к табло. Вариантов было много: ближайший – в Серую жизнь, чуть позже – в Успешную карьеру, дальше – Счастливая семейная жизнь, Долгие отношения с женатым мужчиной, Творческий взлет и даже Посвящение в тибетские монахи.

Хотелось, конечно, счастья.

Она подошла к кассе, где сидела приветливая женщина средних лет.

- Я хочу купить билет в Счастливую семейную жизнь.
- Вам повезло, только что сдали один билет. Он последний.

– Чудесно! Тогда я лечу туда! – обрадовалась она, взяла билет и в приподнятом настроении покатила свой багаж на регистрацию к стойке 10. Это было нелегко. Каждый шаг давался так тяжело, словно она передвигала слона. В очереди, как ни странно, был всего один человек. Он получил посадочный и, улыбнувшись ей, скрылся из виду.

- У вас есть багаж? – спросила девушка за стойкой. Ее улыбка казалась механической.
- О да!

И она начала складывать на багажную ленту свои вещи: несколько потрепанных чемоданов и даже старый прабабушкин сундук.

Девушка за стойкой механически покачала головой.

- Нет-нет, столько багажа нельзя.
- Но я оплатила место с багажом.

– Только один небольшой чемодан с личными вещами. В этом направлении летают очень надежные, но маленькие самолеты с небольшой грузоподъемностью.

– Как же быть?

– Кто-то просто оставляет самое нужное, кто-то выбирает другой рейс. Следующий, пожалуйста.

Она стояла в стороне, разочарованно глядя на свои чемоданы и билет. Затем погрузила все обратно на тележку и с усилием покатила к залу ожидания. Оставить свой багаж – вот это новости, ну и правила в этих авиакомпаниях!

По счастливой случайности, в зале было свободное кресло, и она присела отдохнуть.

– У вас тоже много вещей, – улыбнулся ей симпатичный мужчина, сидевший рядом, окинув взглядом ее тележку. – У меня десять рюкзаков, в Счастливую семейную жизнь не пустили.

– Какое совпадение! И меня! – улыбнулась она. – Что же вы сделали?

– Полечу Обычным рейсом, как уже летал, – ответил он и посмотрел в сторону. – Но я оптимист. Будут, конечно, сложности. Но не выбрасывать же накопленное годами.

Она кивнула. Мужчина был очень милым. И ей показалось, что не такая это плохая мысль – полететь Обычным рейсом. До него было еще пять часов. Они болтали без умолку – казалось, будто знали друг друга давным-давно...

В чемоданах и рюкзаках, которые лежали рядом, ждали своего часа старые обиды и страхи, чужие сценарии отношений, разочарования, пессимистичные ожидания, шаблонные решения, требования, готовые наборы реакций и даже кое-какой антиквариат из коллективного бессознательного.

Пока целая бригада рабочих загружала все это в грузовой отсек популярного рейса, в небо взмыл легкий серебристый самолет, летевший в Счастливую семейную жизнь, и скрылся за облаком.

Неоскай

Кареты стояли в пробке. Ничто не предвещало, что хоть одна лошадь сдвинется с места. Крупный конь в яблоках лег прямо на шоссе покрытие графитового цвета. Водители, сидевшие в козлах повозок, перекрикивались, посылая друг друга проклятиями. Солнце палило, как в аду.

Наконец МКАД снова пришел в движение. Кони с ленивым ржанием и фырканием стали разгоняться до галопа. Одной из повозок управлял мужчина средних лет. Что было мочи он мчал с работы. По радио шел прямой эфир с каким-то Пушкиным, читавшим рэп.

Во дворе своего 17-этажного родового имения мужчина припарковался возле каменного льва. Конь с облегчением стал щипать траву и фыркать. Мужчина вошел в дом, поднялся на лифте на последний этаж, открыл тяжелую дубовую дверь с резным узором и шагнул в свой прекрасный мир, созданный НеоСкай.

С тех пор, как он купил себе шлем, преобразивший реальность, его жизнь кардинально изменилась. Он больше не жил в ипотечной однушке в Бирюлево – у него был просторный пентхаус; в его крошечной квартире, нуждавшейся в ремонте, теперь красовалась антикварная мебель из красного дерева, на стенах висели картины Репина и Куинджи, посередине гостиной стоял рояль, в камине горел огонь. Киселев, вещавший по телевизору о пользе крепостного права и любви царя к народу, был в жабо и фраке.

С Неоскай возможно все: каждый день жить в новой стране или в новом городе, переноситься в компьютерный мир или на облако, сидеть в обычном офисе и видеть вокруг себя пляж Малибу. Хочешь, чтобы жена выглядела, как гейша, – покупаешь новый модуль, НеоСкай сканирует ее и воспроизводит уже в шелковом костюме, черном парике, с фарфоровым лицом и покладистым характером – и все это на фоне квартиры с обстановкой, достойной японского императора.

Но жена давно ушла – все к лучшему. После развода он испробовал все: спортивные машины, виллы, дома в 3D-горах, и вот теперь выбрал себе мир XIX века – и не прогадал: погружение было полным, еда – вкусной, краски – яркими, обстановка полностью переносила в другие времена. Один минус – мобильный телефон тут казался каким-то немислимим инопланетным багом, но разработчики клялись все исправить.

Телефон зазвонил – по залу разнеслись звуки увертюры Глинки.

– Что угодно? – спросил мужчина, ожидая звонка из пиццерии.

– Вы опять перегородили мне выезд, – прозвучал недовольный женский голос, и мужчина тяжело вздохнул, осознавая неизбежное.

Через несколько минут он уже стоял во дворе своего имения. В мягком свете вечерних огней возле повозки его ждала очень странная девушка. Вместо длинного платья на ней были джинсы, кроссовки и футболка с героями «Футурамы».

– Когда же вы перестанете ставить поперек газона свою машину? – спросила она.

– Это конь! Ему нужна трава!

Девушка посмотрела на него внимательно. Пожалуй, даже очень внимательно. Перед ней стоял мужчина в трико с вытянутыми коленями, мятой футболке неизвестного цвета и в тапочках на босу ногу. На его голову был надет тонкий шлем с мигающими огоньками.

– Я не понимаю, почему вы выглядите так странно, – сказал он ей. – Ваша одежда... Совершенно не к месту!

У девушки от удивления поднялась бровь – выше некуда. Только теперь он обратил внимание, что она стояла рядом с машиной. Это была настоящая машина – старый серебристый хэтчбек! Хуже всего, что девушка была недовольна, а это говорило о настоящей поломке. Уже

пять лет программа фильтровала любые негативные эмоции со стороны женщин (это была опция за дополнительную плату), и он видел только их улыбающиеся лица.

Мир вокруг нее распался на пиксели. Реальность вторгалась в его уютную систему. Мужчина не мог поверить, что программа дала сбой. Он был ужасно расстроен. Чертыхаясь, он нажал на кнопку, выключил шлем для перезагрузки и снял его, чтобы рассмотреть, нет ли повреждений. В первые минуты его глаза болели, а голова кружилась. Легкий вечерний ветер трепал волосы.

– Добро пожаловать в реальный мир, – сказала девушка. Она была не идеальной, как и мир вокруг, но такой живой и настоящей, что на мгновение дыхание в его груди замерло.

Оглядываясь, он ощущал себя так, словно вернулся домой после долгого отпуска. Вокруг был обычный вечерний двор. О стены спортивной «коробки» то и дело стучал футбольный мяч, раздавались детские голоса. Там, где обычно было каменное изваяние льва, сидела на скамейке бабушка. Мимо проехала машина, донесся аромат сирени, пролетел комар, капнула первая крупная капля дождя, затем еще и еще, шлохнулась на деревьях листва, застрекотало по асфальту и карнизам. Мир был объемным, двигался и звучал. Мужчина сделал глубокий вдох, будто только родившись, и вобрал в себя все это чудо момента здесь и сейчас.

– Теперь, если конь наелся, переставьте его в другое место, – улыбнулась девушка.

Мужчина рассмеялся. С неба на него обрушился настоящий теплый ливень.

Ева

Дома было тепло. Она скинула с ног туфли и отправилась на кухню. В вечерней тишине ничто не предвещало ужин, а потому она взяла последнее яблоко. Едва надкусив его, она услышала звонок.

– Ева, ну наконец-то! И где тебя только черти носят? Еле нашел!

Конечно, она узнала этот голос и с досадой отложила яблоко в сторону.

– Что ты хочешь, Потифер?

– Ищу тебя тысячу лет! От пользователей поступает бесконечное количество жалоб. Мы нашли миллионы багов. И ты передаешь их своим потомкам. Но мы можем все исправить, дорогая!

– Но мне и так все нравится, Потифер.

– В этом-то и проблема, Ева! Так не должно быть!

Ева подняла бровь.

– Что ты имеешь в виду?

– Мы долго бились над этой мутацией и не понимали, что происходит. Женщина – ребро Адама. Ребро не должно быть таким самостоятельным, Ева. Женщина должна жить ради других. Это предустановленная программа! Почему она сломалась?

– Потому что я поняла, что это не работает, Потифер, – спокойно сообщила Ева и, незаметно отодвинув занавеску, стала наблюдать за улицей. – Если женщина живет ради других, она теряет себя. Это никому не нужная жертва. Ее перестают замечать. Она начинает страдать, жалеть себя, упрекать других. Тыкать в лицо своим детям: «Смотрите, я все делала ради вас, я жила всегда ради вас, любите меня за это». Обвинять мужа: «Ты не достоин даже носить мне тапочки, я променяла свою жизнь на быт, а ты...!»

– Ева, это просто от избытка времени! Чтобы решить проблему, мы придумали пыль! Женщина может бороться с пылью, и она всегда занята! А еще сериалы – да у нас тут работает целый креативный отдел, ты же знаешь!

– Потифер, пыль не справляется.

– Нужно больше пыли? – удивился он.

Ева рассмеялась. Тогда Потифер, все еще надеясь образумить непутевую женщину, спросил с разьедающей грустью в голосе:

– А для кого же нужно жить? Для себя?..

– О, дорогой, не надо сыпать социальными неодобрениями, это не поможет. С чего ты взял, что нужно жить для кого-то? Для других, для себя... Почему нельзя просто жить? Просто любить. Просто чувствовать. Просто заниматься любимым делом. Каждый день открывать глаза и думать, а чего бы мне сейчас хотелось? А как мне прожить этот день счастливо? А мне нравится? А это мне вкусно? А хочу ли я сегодня делать все как положено? Или я вообще не люблю так делать?

– Ева, у тебя температура? Женская голова не предназначена для такого количества вопросов. Ладно, помощь уже близко. Приляг, не перенапрягайся. Скоро тебя вернут к заводским настройкам.

Заметив, что из остановившейся у подъезда машины вышли двое мужчин, она задержала занавеску, вышла в коридор и надела легкие кроссовки.

– Займись лучше Адамом, – сказала она Потиферу. – В последнюю нашу встречу он лежал в одиночном пикете под одеялом и во всем винил генетически модифицированные яблоки. Ему бы не помешала перезагрузка.

– Ты же знаешь, как мужчины не любят эти уколы, процедуры...

Потифер еще что-то говорил. Ева улыбнулась, положила телефон на тумбочку, открыла зеркало, как дверь, и перешла в соседнюю квартиру.

Должно быть, были открыты окна. В сквозящем воздухе летали вырванные страницы из прочитанных когда-то книг, рисунки, портреты и старые фотографии за тысячи лет. Ева поняла, что из-за звонка Потифера снова оказалась в прошлом. Первая встреча с Адамом. Детство. Утренняя роса на траве под ногами. Рождение детей. Океан. Восторги и разочарования. Падающие звезды. Разговоры. Объятия. Новые города. Ссоры. Примирения. Прикосновения. Потери. Революции. Войны. Голод. Победы. Слезы. Непокорность. Надежды. Целая вечность летящих воспоминаний, прописанная в ДНК.

Внезапный требовательный возглас остановил полет и заставил их упасть на пол.

– Ева, когда уже ужин?! Что ты там копаешься?!

Адам лежал на диване и смотрел футбол. Ева была незаметна для него, потому что если оставаться в прошлом, невозможно увидеть будущее. Она присела рядом и выключила телевизор. Адам, не замечая Еву, нахмурился, проверил пульт и включил ТВ. Но Ева снова нажала на кнопку выключения. И тогда Адам сделал то, чего не ожидал сам. Он встал с дивана. Проверил телевизор – тот был включен в розетку.

– Ева! – кричал он, но, обойдя всю квартиру, впервые за сотню лет, выяснил, что Евы тут больше нет.

Он опустил глаза на пол и увидел воспоминания. В его душе одновременно возникли смутная тревога и нежность. Тогда он быстро оделся и ушел искать жену. Ева улыбнулась и вышла вскоре за ним. Ей тоже не стоило долго оставаться в прошлом.

Летели двое на воздушном шаре

Летели двое на воздушном шаре. Шар медленно, но верно терял высоту. Они сидели в корзине, к которой было привязано много мешочков – одни были довольно легкими, другие – тяжелее свинца.

Он и она – каждый чувствовал, что что-то идет не так. Но им некогда было смотреть вокруг. Слова стрекотали, как пули. Голоса вспыхивали, глаза загорались. Звенело. Громыхало. Потом наступала тишина. Во время одного из затиший он заметил:

– Мы теряем высоту.

– О Боже! – воскликнула она.

– Он тут ни при чем.

– Вот ты опять споришь со мной.

– Корзина слишком тяжелая, надо что-то выбросить, – сказал он и резонно предложил. – Выброси свои обиды. Вон тот мешок, он самый тяжелый.

– Сначала ты выброси свои претензии, – сказала она.

– Хорошо, тогда скинь для начала свои обвинения.

– Ни за что, потому что во всем виноват ты.

– Если бы у меня была вина, я бы скинул незамедлительно.

– Хорошо, тогда сбрось мешок с мамиными рецептами, – подняла она бровь.

– Скинь мешок с мамиными привычками, – заметил он.

– У меня все нужное, – грустно вздохнула она. – Посмотри, что там у тебя еще есть.

– У меня есть только здравый смысл, его нельзя трогать.

– Покажи.

Шар снижался. Он искал привязанный к корзине здравый смысл, но не мог найти.

– Покажи, – смеялась она.

– Ладно, – сел он на пол корзины. – Наверное, я забыл его перед вылетом.

– Надо что-то делать. Иначе мы погибнем, – трагически заметила она и поправила прическу.

– Оба, – заметил он.

И они внимательно посмотрели друг на друга, поняв, что выход есть, хоть и не для всех. Она взяла его за руку.

– Я не хочу, чтобы ты делал это, – сказала она.

– Выбора нет, – опустил он глаза. – Как насчет «камень-ножницы-бумага»? Кто проиграл, тот и выпрыгивает.

– Ну уж нет, ты мужчина, ты и прыгай.

– Женщины вперед.

Шар становился все тяжелее.

– Видишь, твой мешок с обидами уже не один, их там два! – заметил он. – Мы падаем из-за них! Скинь его, полетим дальше, облетим весь мир, будем счастливы! Помнишь, мы хотели этого так сильно!

– Мой мешок с обидами такой же большой, как твой мешок с враньем и пустыми словами.

Посмотри, посмотри, вон там, как раз за твоей спиной!

Они помолчали. Воздух был теплым, день – солнечным.

– В прошлый раз мы скинули твою Машу, – вспомнила она. – Надо же догадаться завести тут Машу!

– Я думал, нам так станет легче. Зачем ты это вспоминаешь?

– Затем, что надо было скинуть тебя. Маша была легче.

Небо было ясным. Горизонт – далеким. Корзина – узкой. Двое летели на воздушном шаре
который год.

Перемотка

Утром Сергей съел яичницу с беконом, а после – кусок лимонного пирога с крепким кофе, и теперь сожалел об этом. Его больной желудок не справлялся с такими нагрузками, а врач только вздыхал и пожимал плечами, прописывая очередную диету, которая не будет соблюдаться, и лекарства, которые не будут выпиты.

Пахло весной. Утренняя дымка окутала город, прохожие спешили. В метро, стиснутый большой женщиной и рюкзаком размером с женщину, мужчина думал, как хорошо было бы сейчас ехать на своей машине с кондиционером. Год назад знакомый предлагал ему свой «форд» по хорошей цене, но Сергей не смог сразу принять решение, а потом было поздно.

Размышляя об этом случае, он вошел в контору. Утро начиналось как обычно. За одним исключением – на рабочем столе его ждал небольшой сверток в крафтовой бумаге, обтянутый тонкой джутовой нитью.

– От кого это? – спросил Сергей у своей помощницы Нади.

– Не знаю, – ответила она, зацепив любопытным взглядом сверток. – Пришло по почте, там ваше имя. На ощупь что-то твердое.

Бумага зашуршала в его руках – он распаковывал сверток, как луковицу. Внутри оказался старый диктофон с кассетой. Наверное, такие не выпускают уже лет пятнадцать.

В сверток был вложен листок бумаги с надписью «Инструкция». Сергей уважал правила, поэтому сразу прочел: «Вы можете кое-что исправить с помощью этого диктофона. Просто запишите новые ответы. Но будьте внимательны. Иногда лучше все оставить как есть».

Надя, судя по воцарившейся тишине, она даже перестала раскладывать пасьянс, обратившись в слух. Тогда Сергей взял диктофон, вышел из кабинета и закрылся в переговорной комнате.

Наконец он включил запись.

– Ну что, Сереж, покупаешь машину?

– Да я пока не решил...

– Ну ладно, увидимся как-нибудь.

Сергей застыл с диктофоном в руках. Это было просто невозможно. Его телефонный разговор с тем приятелем никогда не записывался. И вот теперь, год спустя... Откуда взялась эта запись? Очевидно, это был какой-то розыгрыш.

«Вы можете кое-что исправить с помощью этого диктофона. Просто запишите новые ответы», —вспомнил он рекомендацию из инструкции.

Секунду посомневавшись, Сергей шутки ради перемотал запись в начало.

– Ну что, Сереж, покупаешь машину?

Он нажал на кнопку записи и ответил:

– Да.

Насвистывая, он вышел из переговорной и стал выискивать глазами подозреваемого – кто мог так с ним пошутить. Надя? Вряд ли. Она не сыграла бы так ловко. Юрист из соседнего отдела? Он всегда над всеми подшучивает. Вполне возможно, это он.

Сергей шел по коридору к своему кабинету и вдруг со стороны лифта донесся громкий голос охранника:

– Кто тут Сергей Иванов?

Сергей обернулся.

– Это я...

– Вам нужно перепарковать машину, она загоразивает проезд.

«Розыгрыш с продолжением», – подумал Сергей. И отправился вниз вслед за охранником.

Внизу стоял тот самый «форд», который он не купил. Машина была открыта. В замке зажигания он увидел ключи. Сергей сел в машину, будто ждавшую его прихода. На пассажирском сидении лежали документы на его имя, оформленные задним числом. Решив поставить точку, он позвонил прежнему хозяину «форда».

– Знаешь, почему-то твоя машина у меня. Это шутка?

– Но ведь ты ее купил год назад, – донеслось в трубке. Голос звучал искренне удивленно. Настолько удивленно, что Сергей на мгновение оцепенел.

«Чудес не бывает», – сказал он себе. И повторял это каждый день, когда садился за руль машины. Автомобиль, к слову, был староват. Иногда Сергей сожалел о том, что у него не новенький «Мерседес». За рулем он представлял себе, кого он хотел бы видеть на пассажирском сидении. И все чаще вспоминал Дашу – они учились на одном курсе юрфака. Ему было жаль, что когда-то давно он так и не решился жениться на той девчонке.

Сергей думал об этом все чаще, и вот однажды на рабочем столе снова появился сверток. На сей раз внутри он обнаружил только кассету. Нади в кабинете не было. Он вставил кассету в диктофон, нажал на кнопку воспроизведения и услышал голос своей старой студенческой подруги.

– Сережа, я раньше не говорила, потому что точно еще не решила, – Даша помолчала немного растерянно. – Я уезжаю. Мне предложили работу в Екатеринбурге. Хорошее место для старта, а там посмотрим.

В тот день они всей группой отмечали вручение дипломов в парке. Даша сидела рядом на скамейке. На ней была легкая белая блузка, помада стерлась, прядь каштановых волос выбилась из хвостика.

Прошло почти пятнадцать лет. Он знал, что она давно замужем и счастлива. У нее двое маленьких детей и большая собака.

Но ведь с ним она будет счастлива вдвое больше, потому что всегда любила только его! И Сергей перемотал пленку, нажал на кнопку записи и сказал дрогнувшим голосом:

– Даша, прошу, останься. Останься со мной.

В этот момент вошла помощница и сказала:

– Вас вызывают к директору.

Старик шеф никогда не делал этого раньше. Сергей понял, что все из-за двух последних административных дел, которые он проиграл. Ожидая худшего, он вошел в кабинет и застыл. За большим столом перед ноутбуком сидела Даша. Темные волосы были аккуратно зачесаны назад, пальцы бегали по клавишам. Внезапно Сергей понял, как скучал по ней, и пожалел, что потерял столько лет.

– Даша, – окликнул он. – Как я рад тебя видеть!

Она подняла на него удивленные глаза и втянула ноздрями воздух:

– Ты что, пьешь на работе?

Он вдруг осознал, как смешны и неуместны его слова. Должно быть, они теперь часто видятся, потому что женаты.

Сергей присел в кресло напротив. Не зная, с чего начать, он уточнил, какие у нее планы на этот вечер.

– Планы на вечер? Пожалуй, до 9 вечера закончить с бумагами. Потом вернуться домой, поцеловать спящих детей и поработать немного еще.

– Это мои дети? – удивился он.

Даша подалась вперед.

– Что ты принимаешь?

– Ничего. Очевидно, мои... А много детей?

Она выпрямилась и сложила перед собой руки в замок.

– Просто хочу... восполнить некоторые пробелы, – примирительно добавил Сергей. – Работа-работа... давай все бросим и проведем вечер вместе!

– Я скажу Наде, чтобы отнесла твою чашку на экспертизу. Тебе что-то подмешивают. Напомню, я ушла еще два года назад. И мы больше не проводим вечера вместе.

– Но почему ты ушла? – ошарашенно спросил он, не в силах поверить в происходящее.

– Я больше не могла выносить твои бесконечные сожаления. Что бы ты ни получал в жизни, что бы ни делал и как бы хорошо ни шли дела, ты все время находил что-то, о чем можно было бы сожалеть. Летишь в отпуск в Испанию – как жаль, что не в Италию, там лучше сыр. Устраиваешься в ведущую компанию – как жаль, что она не международная. Покупаешь машину – как жаль, что этой марки, а не другой. Женишься на одной, а...

Она смотрела на него в упор. Ее взгляд не предвещал совместного возвращения сегодня домой.

«Как жаль, что у меня нет кассеты, чтобы все исправить», – подумал он и поперхнулся.

Мальчик, которого стало меньше

Однажды родился мальчик, которого было много. Когда он смотрел на облака, лежа в траве, ему казалось, что он может коснуться пальцем неба. Летящая в небе птица не была отдельно. Он был птицей. Птица была им. Он ощущал себя чем-то большим, чем его тело. Соприкасающимся. Живущим одновременно повсюду: в водах реки, в воздухе, в бегущем по волне катере, в кронах золотых деревьев, в танцующей листве, в колющих нос снежинках. Его огромные легкие будто могли вобрать в себя весь воздух, весь мир.

Мир был трескучим, громким, безразмерным, как он сам. Мальчик спешил ощущать. Катиться с гор. Звучать. Пробовать на вкус.

Ты слишком медленный, нужно идти быстрее, говорили они, когда ему хотелось задержаться и рассмотреть букашку в траве... У букашки был переливчатый панцирь и шесть ножек. Трава была разноцветной. Вы видели, сколько там зеленых цветов? У земли темный, выше изумрудный, а если травинку рассмотреть через солнце, то она почти прозрачная, зелено-желтыми кругами. Вечерами травинка красная, а когда в нее падает облако, она голубая и серебристая.

Рисуй правильно. Жук черный. Трава зеленая.

И он рисовал как надо.

Они много всего говорили. Нельзя так думать. Говори, как написано в учебнике, а то опять двойка будет. И он говорил. Нельзя заниматься этой ерундой, надо учить математику. И он откладывал пористый шершавый лист, карандаши и брался решать примеры.

Нее... лъззззая, пилила невидимая пила, нее... лъзззая.

Слишком долго.

Слишком медленно.

Нее... лъззззая... – пила отпиливала все, что выступало за социальный трафарет.

Отрезанные кусочки улетали, как воздушные шарик, в небо. Не поймать. Было сложно представить себя бабочкой. Стало казаться глупым коснуться пальцем неба.

Эта девушка тебе не пара, говорили они. Слишком рано. Другие планы. Сначала учиться. Что с математикой? Тебе некогда заниматься этими рисунками. Ты никогда не заработаешь на этом.

Тесты, нужно сдавать тесты.

Голова кружилась от цифр. Все превращалось в цифры.

Река – в цифры. Снежинки – в цифры. Цвета – в цифры.

Ну кем ты решил стать? Микеланджело? Моне? Она же первая тебя бросит, когда ты будешь сидеть с красками, без работы...

Ее губы превращались в цифры. Ее глаза из кошачье-зеленого с крупинками кофейного – в цифры.

Правильные ответы в тесте: 1Р, 2О, 3Б, 4О, 5Т...

Нее... лъзззая, пилила невидимая пила, повизгивая, нее... лъзззая.

Он сдавался потихоньку, лишь бы пила перестала издавать этот звенящий, опрокидывающий звук.

Однажды это случилось, и уже ничто не выступало за границы допустимого. Но даже когда дело было сделано, и победили цифры, и у него осталось только то, что ужато кожей, звук пилы никуда не исчез. Он продолжил допиливать то, что осталось внутри.

У вас слабые легкие, говорили врачи, вы дышите только наполовину.

По вечерам, в тишине, он чувствовал в себе мальчика, а мальчик ощущал пустоту. Все кругом было слишком отдельным. Жена, дети, работа. Почему все стало таким отдельным, а он таким маленьким и чужим?

Почему-то спустя столько лет он помнил правильные ответы в том тесте: 1Р, 2О, 3Б, 4О, 5Т...

Однажды он шел через сквер весенним утром. В его руке был кожаный портфель. И вдруг в небе вскрикнула птица. Он поднял голову, и все вокруг закружилось от цвета и света. И все, что он запрещал себе видеть, все, что было отрезано, вдруг снова стало им, – так широко, так безгранично.

«Робот!», – вдруг разгадал он ответ из теста. Он сел на скамейку, глубоко вдохнул воздух, и так и остался сидеть. Портфель выпал из руки и застыл.

И мальчик снова вернул себе ширину, продолжительность, безграничность.

А они столпились над ним, пытаясь его вернуть.

Средний возраст

Все шло прекрасно. Он добился, чего хотел. Работал в банке, собирался жениться на самой красивой в мире женщине и даже подумывал над тем, чтобы купить жилье за городом. Но вот однажды утром, выключив будильник, он присел на кровати и услышал потрескивание. Хрусть-хрусть. Вчера этот звук уже доносился до него, но слабо и невнятно. Теперь похрустывание было явным. Это походило на треск яичной скорлупы, когда вот-вот вылупится цыпленок.

Звук был нелепым. Во-первых, тут не было цыплят. А «во-вторых» он еще не придумал. Некоторое время он оглядывался по сторонам, прислушивался. К дивану, звукам за окном, шкафу, к холодильнику, но звук был повсюду.

Он вышел на улицу, но звук последовал за ним. Стало понятно, что звук издает он сам. Тогда он пришел к участковому врачу в поликлинику и сказал:

– Я странно звучу.

Две недели ушло на то, чтобы исключить артрит, шейный остеохондроз и прочие неприятности по списку в большой энциклопедии болезней.

И вот, когда выяснилось, что он совершенно здоров, появилось Оно. Яйцо. Вокруг всего его тела. Сквозь мутную белесую пелену перед глазами он смутно различал в зеркале свое чудовищное отражение.

В ужасе он выбежал из дома, поймал такси, доехал до поликлиники и, задыхаясь, ворвался в кабинет доктора. Полураздетая женщина ойкнула.

– Доктор, я внутри яйца! – закричал он.

Наконец выдавший виды терапевт сдался, выдал успокоительное и направил к психотерапевту.

– Вы правда не видите Его? – в недоумении спрашивал мужчина, лежа на кушетке в уютной комнате.

– Правда, – ответил психотерапевт, а затем спросил, – Когда впервые услышали это потрескивание?

– Я просто сидел на совещании. Мы говорили о продвижении банковских продуктов. И я впервые отвлекся. Задумался о том, как мне надоело все это слушать.

– А что бы вы хотели слушать?

– В 20 лет у меня была своя рок-группа. И я внезапно услышал песню, она просто зазвучала в моей голове. И тогда я услышал этот звук скорлупы, хрусть-хрусть.

– Почему вы работаете в банке?

– Мне много платят.

– Зачем вам много денег?

– Чтобы пользоваться хорошими вещами, купить красивый дом, путешествовать.

– Что вы делаете в путешествиях?

– Работаю.

– В доме?

– Работаю.

– Так зачем вам много денег?

– Чтобы работать.

Дни шли, яйцо не исчезало. Он сходил с ума, сидя на совещаниях, идя по улице, за рулем автомобиля. Оно мешало ему жить и все больше отделяло от привычного мира. Он перестал целовать свою невесту. Перестал слушать про банковские продукты. Перестал строить подчиненных и следить за дисциплиной. Перестал предлагать светлые идеи начальству. Нервы сдавали.

И тогда он купил электрогитару. Это было спонтанное решение. Но едва он доехал до дома, расчехлил инструмент, коснулся пальцами струн... как понеслось. От Металлики до Вивальди.

– Брось меня, – сказал он в тот вечер по телефону самой красивой в мире женщине.

И она его бросила. Приехала, разбила все тарелки, обняла и бросила.

И тогда он сел на диван. Сыграл все свои песни; он помнил их как сейчас. В ту ночь шел за окном дождь, голос простуженно хрипел, и родилось где-то под ребрами что-то новое, затрепыхало, заставило замолчать, остановиться и... он взял лист бумаги, огрызок карандаша и стал писать слова. Они приходили сами, рифмованными строчками, скакали по нотам, замирали и взрывались. И, наконец, когда догорели на улице фонари, дождь закончился, и рассеялась ночь, он, усталый и расслабленный, взял трубку и набрал номер. Спустя пятнадцать лет и двадцать гудков, голос ответил:

– Какого черта?!

– Я написал новую песню, – сказал он. – Давай соберем всех в гараже.

И после этого он почувствовал невероятную усталость – она была телесной, тяжелой, но мягкой и приятной, как одеяло. И он уснул прямо на диване среди листков исписанной бумаги. Даже нарастающий хруст вокруг тела уже не раздражал и не отвлекал, как прежде.

Проснувшись, он впервые за два года взял отпуск и выключил рабочий телефон. Свободное время и тишина были непривычны. Теперь они всей группой снова собирались в гараже и репетировали каждый вечер. Строили планы. Вспоминали. Смеялись над глупыми и хорошими шутками. Он пел. И где-то внутри тоже что-то пело. Однажды в гараж пришла она, самая красивая женщина в мире. Он обнял ее, спел. Она сказала, что может бросать его по гибкому графику, если его это вдохновляет.

Тот день был смешным и счастливым. И наутро, когда он проснулся, голова была необыкновенно ясной. Он взглянул на себя в зеркало. Яйцо исчезло.

Звонок

– Я так больше не могу, – сказал человек в трубку и сел на стул. Он выглядел очень уставшим. Его одежда была немного неряшливой, локти пиджака потерты, сорочка в мелкую клетку истончилась. В темных волосах пробивалась седина. В межбровье засела глубокая складка. Под глазами были темные круги.

– Что вы хотите? – услышал он спокойный мужской голос в трубке.

– Мне сказали, что если я позвоню по этому номеру, мне помогут.

– Вы плохо выглядите. Почему не позвонили раньше?

– Мы же говорим по телефону, как вы догадались...

– Вы хотите всему найти объяснение. Но я просто вижу вас и все. Так какое у вас желание?

– Я просто сейчас скажу, и мое желание исполнится?

– Конечно.

Уставший мужчина немного помолчал, а затем нерешительно спросил:

– Почему вы не спросите сначала, что у меня стряслось?

– Ну началось... – вздохнул голос в трубке.

– Я так несчастлив. Я работаю менеджером в одной компании, меня постоянно третирует мой начальник – он недоволен то низкими продажами, то моим единственным костюмом, то грустными глазами. Зарплату задерживают на два, а то и три месяца.

– Почему вы не найдете другую работу?

– У вас все слишком просто. Должно быть, вы оторваны от жизни. Но реальность такова. Работу найти совсем не просто в моем возрасте. Кроме того, здесь я могу немного отвлекаться. Иногда пропускать, а то и недельку пожить на даче, сказавшись больным. Но, оказавшись на даче, я понимаю, что вместо нее хотел бы просторный дом с бассейном в Калифорнии и свой частный самолет. И красивую жену, лучше двух. Но я знаю, что деньги – большое зло, самолеты разбиваются, а от женщин, особенно двух, одни проблемы.

– Так чего вы хотите?

– Я хочу быть счастливым. Но я знаю, что все время счастливым быть невозможно, да и вредно. Это тормозит человека в развитии.

– Никогда о таком не слышал.

– Так у вас есть желание?

– Мне нечем за него заплатить.

– Я не спрашиваю оплату.

– Но я буду чувствовать себя должным.

– У меня вторая линия.

– Одну минуту! Подождите. Будьте добры, просто красивую жену. Блондинку или брюнетку. Как же выбрать...

– Может, с двумя головами?

– Пожалуй, это неудобно. Ладно, обойдусь без жены. Просто другую работу с высокой зарплатой. Но, с другой стороны, тогда мне придется все время работать. И, может, даже руководить людьми. А я их боюсь. Ладно. Тогда просто дом.

– Где?

– Просто дом с бассейном. В Калифорнии. Но я не знаю английский. И там не будет красивой жены. И это потребует больших расходов. И у меня не будет работы с высокой зарплатой, чтобы это оплатить.

Он что-то еще взволнованно говорил, пока не понял, что в трубке слышит только тишину. Мужчина снова набрал нужный номер и услышал автоматический ответ: «Абонент Бог временно недоступен».

Нихтер

Старый Нихтер жил посреди пустоты. По утрам к нему приходил почтальон. Звонил в дверной звонок, которого не было, и заходил сказать, что писем все так же нет. Нихтер благодарил, спрашивал о погоде.

– Сегодня дождь, – с готовностью рассказывал почтальон.

– Значит, солнца нет, – отвечал Нихтер. Он поднимал брови, кряхтел, кивал, ведь он был большим специалистом по части того, чего нет. Почтальон задерживался ненадолго. Они были почти друзья.

Нихтер учтиво извинялся:

– Видите ли, у меня по такому случаю даже нечего предложить вам к чаю. Нет ни конфет, ни мармелада, ни пряников. Нет даже молока. Да и чая, в сущности, тоже нет.

Свой талант замечать то, чего нет, Нихтер ощутил в себе еще в детстве. Однажды ему подарили на Новый год огромную армию оловянных солдатиков. Но не они захватили его воображение. Мальчика потрясло, что у солдатиков нет ружей. Это отсутствие стало занимать весь его ум. Бабушка, которая две недели назад чуть не отморозила пальцы на ногах, стоя за дефицитным подарком в очереди, внимательно смотрела на внука. Его беспокойство нарастало. Бабушка все сильнее сводила брови. А потом солдатикки куда-то пропали.

Талант Нихтера рос. В конце лета мальчик тонко подмечал, что стали замолкать птицы. Зимой остро ощущал, что нет тепла.

Он учился, кажется, в седьмом классе, когда однажды высокая и тонкая, как молодое дерево, учительница, прошелестела, войдя в класс, и сказала ласковым голосом, что девочки Терезы больше не будет. И тогда все существо Нихтера сосредоточилось на этом. Отсутствие одноклассницы вдруг проявилось, разрослось и стало очевидным. Ее место рядом с ним за партой опустело. Терезы не было. Он не помнил ни цвет ее глаз, ни какой формы были ее пальцы, ни звук ее легкого дыхания, когда она записывала за учителем. Его поразило ее исчезновение, и он вдруг увидел, что это отсутствие очень широко. Не все люди и предметы оставляют после себя такое широкое отсутствие.

Нихтер бесконечно рос. Он был высок, остроплеч и нескладен. Нихтер учился на философском факультете и специализировался на бытии, которого нет. О том, чего нет, он защитил докторскую, и до преклонных лет преподавал студентам, которых тоже почти никогда не было на его лекциях.

Профессора Нихтера считали чудачком. Плавая в море, он непременно отмечал, что нет под ногами дна. Игра в шахматы совершенно ему не давалась. Стоило ему потерять одну фигуру, как она начинала занимать все его внимание. Мысленно он представлял, как сходил бы ею, если бы она еще была. И тогда совершал какую-нибудь глупую ошибку. Он считался плохим игроком в шахматы.

Жена давно ушла. Он часто подмечал, что в супе нет соли, в шкафу – нужных вещей, на деревьях – листьев, в новостях – здравого смысла. Однажды он позволил себе заметить, что у жены нет прически. Она была готова поддерживать беседы об отсутствии и даже кое-как приспособилась к тому, что мира нет, но в тот день почему-то рассердилась не на шутку. Уже пятьдесят лет в шкафу не было ее вещей. Изредка деревянные вешалки, задеваемые его неловкими руками, покачивались в пустоте шкафа.

Нихтер жил один. В последние годы единственным, кто заходил к нему, был почтальон. Однажды почтальон спросил:

– О чем те письма, которых у меня для вас нет?

Нихтер только пожал плечами. Если бы на все вопросы было так легко дать ответ... Всем своим существом, всем своим сознанием он всю жизнь обвивался вокруг этого густого невидимого чего-то, чего у него не было. И чего ему не хватало.

Однажды ему приснился сон. Во сне он был ребенком. Он сидел на полу с игрушками, и в комнату вошла она. Эта женщина. Где он мог ее видеть? Знакомое лицо, теплые руки. Она дала ему солдатика с ружьем. И исчезла. А он водил пухлыми ручками по воздуху, пытаясь ухватить то, что поймать невозможно. Аромат, мимолетное ощущение, короткий взгляд. Губы учились произносить «ма-ма». Но его голос никто не слышал. Этого мира уже не было. Никто не взял маленького Нихтера на руки, чтобы подтвердить, что он существует.

Нихтер был из тех детей, которых не обнимали. Бабушка варила ему правильную кашу, одевала в тщательно отглаженную одежду, стригла и причесывала гладко волосы. В этой причесанности и гладкости бытия не было объятий. Спрашивать о родителях было нельзя. У них не было ни имен, ни лиц. Они отсутствовали целиком. Так же, как темной ночью полностью отсутствует свет. Ты знаешь, что во вселенной солнце продолжает светить, но вынужден принимать темноту. Из этой темноты во сне смутные образы родителей иногда приходили к нему, будто заглядывали через замочную скважину. Так было и в этот раз.

Проснулся он от грохота за окном. Начиналась гроза. Старик сделал себе чай и пошел в кабинет, чтобы продолжить писать десятую главу монографии «Бытие, которого нет». Но что-то не давало ему покоя, мысли его блуждали по квартире. И вдруг он вспомнил про кожаный чемодан, который он никогда не открывал. Чемодан просто появился, как мысленный слайд, и завис.

Нихтер решился. Он тяжело поднялся со стула и дошел до кладовки. Чемодан десятки лет пролежал в самом углу. Он засох и скукожился, словно старый забытый сухарь. Все, что осталось от бабушки. Прикосновение к чемодану обдавало холодком. Скованные артритом руки распечатывали его секреты. Внутри на клетчатой потертой подкладке лежало незнакомое платье в горох, пара старомодных туфель с невысокими каблучками, шкатулка с серебряными серьгами, кулоном и тремя старыми монетами. В кармашке сбоку хранился небольшой сверток. Неторопливо Нихтер достал его и долго разворачивал бумагу. Наконец с изумлением он увидел внутри черно-белую фотографию, с которой на него смотрели они. Молодые родители. Он и не знал, что у него глаза, как у отца, а улыбка, как у матери. На обороте почти выцвели, но все же угадывались их имена и даты жизни. Ему было двадцать шесть, ей двадцать один. Расстреляны такого-то числа. Одна дата смерти, написанная бабушкиной рукой. Он прочел их (а значит и его) настоящую фамилию, которую нельзя произносить. Как так вышло, что они остались молодыми, а он уже так стар? Их просто стерли, как карандашную надпись ластиком с бумаги. Нихтер смотрел на фото, жадно впитывая изображения, словно долго пролежавшая на берегу рыба воду.

На самом дне чемодана, в самом уголке, лежал притаившийся солдатик с ружьем. Нихтер взял его в руки и содрогнулся, поняв, что в ружье этом, должно быть, не хватает двух патронов.

Голова закружилась. Мир был проявлен. Нихтер так и сидел много часов с фотографией в руках перед чемоданом, нарушившим оболочку пустоты. И просто дышал. Через открытые окна в квартиру ворвался свежий воздух, какой бывает только после грозы.

Внезапно он вздрогнул от пронзительного звука. Звонили в дверной звонок, которого никогда раньше не было. Нихтер открыл дверь, там стоял почтальон с отверткой в руках.

– Я тут подумал, – сказал он. – Хорошо ведь, когда звонок есть. Может, и письма когда-то будут.

Нихтер улыбнулся своей мягкой улыбкой. И вдруг немного неловко спросил:

– Хотите чаю?

Ариэль

Однажды, когда она еще была ребенком, на корабле случился взрыв. «Измена!» – кричали мама, подруга мамы, две тети, бабушка и прабабушка. Спасаясь, отец запрыгнул в шлюпку с небольшими припасами, стремительно заработал веслами и исчез за линией горизонта.

А шестилетняя девочка во время взрыва выпала за борт. Она еще не умела плавать. Барахталась в воде, звала на помощь, тщетно пытаясь привлечь к себе внимание, но на корабле ее не замечали. Там кипела жизнь. Слышались возгласы: «Предатель! Обманщик!» и что-то нецензурное.

Устав барахтаться, девочка пошла ко дну. Кислород в легких еще оставался. Пузырьки воздуха выскакивали из ее носа и проделывали долгий путь из самой толщи к поверхности воды. Вынырнув, они растворялись в воздухе. И никто уже не смог бы поймать и увидеть ее последний выдох.

Пузырьки на поверхности воды перестали появляться. Девочка оставалась на дне. Она подумала: так вот она какая, смерть. Вокруг рыбы и тишина. Нога запуталась в водоросли под названием «Мужчинам доверять нельзя», а руку оплетало ядовитое растение под названием «Я не могу ничего изменить». Теперь девочка не могла двинуться с места.

Шли годы. Девочка росла. Оказалось, что на дне не так уж плохо. Она научилась видеть в темноте и играла с ракушками. В шорохах научилась различать рыб и давала им имена. Иногда по ночам океан становился волшебным: планктон начинал светиться, и вокруг все озарялось захватывающим дух сиянием. В одну из таких ночей девочка увидела, что к ней плывет огромная косатка.

– Так ты живая или мертвая? – спросила косатка, которая еще не видела такого чуда в водорослях.

– Я что-то сама не пойму. Кислорода нет, а я есть, – ответила повзрослевшая девочка.

– Да, странно. Что же ты не вынырнешь отсюда на поверхность и не проверишь, жива ли?

– Не могу. Я привязана водорослями.

– А рука свободная тебе на что? Развяжись.

Но девочка покачала головой.

– Я уже привыкла. Тут тоже неплохо.

Тогда косатка плюнула в ее сторону книгой и уплыла. Девочка поймала плывущий подарок и прочла название. Книга называлась «Как взять жизнь в свои руки». Девочка читала книгу, как фантастический роман. Свобода, выбор... на дне все это казалось волшебной иллюзией, в которую можно было поверить лишь на миг.

Так прошло еще несколько лет. Однажды из дремоты ее вывел шум где-то там, наверху. И спустя несколько мгновений на дно спустился молодой мужчина.

– Ты кто? – спросила она, когда борьба за жизнь закончилась, и он немного пришел в себя.

– Я только что развелся с женой.

– Наверное, ты ей изменял.

– Никогда. Меня просто выбросили за борт.

– Не верю.

Он помолчал, а затем спросил:

– Как тебя зовут?

– Не помню.

– Тогда я назову тебя Ариэль.

– Почему?

– Ты красивая, как русалка.

Она улыбнулась, а потом на ее лице отразилось недоверие, и она сказала:

– Неправда. Тут темно, почти ничего не видно. Ты не мог разглядеть. Верно говорят, что мужчинам доверять нельзя.

– Давно ты тут?

– У меня нет календаря.

– Мы можем попробовать выплыть, если ты хочешь.

– Я связана водорослями.

– Ладно. Тогда я поплыл.

– Куда? Ты что, оставишь меня тут одну? Я тут умру без тебя.

Он засомневался и решил еще немного посидеть с ней, вдруг образумится. Но водоросль под названием «Ничего не поделаешь» уже связала его ноги.

С тех пор все время они проводили вместе. На дне Ариэль показала ему все свои ракушки, прочла ему свою единственную книгу. Мало-помалу между ними появилась привязанность. И вот уже рыбы спели им свадебный гимн.

Однажды водоросль ослабила хватку, и он сказал:

– Попробую отвязаться и сплывать наверх, на разведку.

– Нет. Ты меня бросишь.

– Как это?

– Мы женаты. Видишь эту водоросль между нами? На ней написано: «Привязанность и контроль».

Сначала он пытался ее переубедить. Потом сдался. По ночам пытался перегрызть водоросль.

– Что ты там делаешь?

– Ужинаю, дорогая, – бормотал он с водорослями в зубах.

– Вечно холодильником по ночам гремишь.

Сколько ни грыз, ничего не помогало. Водоросль слишком быстро росла.

Как-то их навестила косатка. Угостила планктоном и крабами.

– А пива нет? – спросил муж.

– Тебе лишь бы пить, – буркнула Ариэль мужу, а косатке сказала, – Ты надолго своего косатика оставляешь. Как бы он от тебя не уплыл.

– Вот не надо с больной головы на здоровую, – отмахнулась косатка. – Не уплывет, – и выплюнула еще одну книгу: «Счастливый брак и мир из двух свобод».

– Где ты их берешь, эти книги?

– Люди сердятся, когда читают такое, и бросают книги за борт, – усмехнулась косатка и уплыла.

Книгу Ариэль читать не стала и положила подальше от глаз. Но словосочетание «счастливый брак» не давало ей покоя.

– Ты счастлив? – спросила она однажды.

– Конечно, – соврал он.

– Я тоже, – сказала Ариэль, сглотнув слезы.

– Там, наверху, сейчас бегут волны, – прошептал он. – Над ними кружат чайки в поисках рыбы. Искры солнца рассыпаются по океану, накаляют воздух, но легкий освежающий ветер не дает ему застояться. По волнам идут белые корабли. На них можно объехать весь мир... Я хотел бы увидеть его с тобой, но нас удерживают эти глупые водоросли.

Ариэль посмотрела на него. В ее голове все еще был осколок того взрыва, после которого она упала с корабля. Но сегодня она ощущала в себе что-то другое. Желание верить поднимало голову. Она чувствовала надежду. И что-то еще. Ариэль хотелось наконец уже освободить и почесать свою связанную ногу. И тогда она достала из кармана нож и обрезала водоросли.

– Он все это время был у тебя?! – воскликнул муж.

– Конечно, – улыбнулась она и поцеловала его. А потом они стали медленно подниматься со дна, чтобы там, на поверхности, сделать глоток воздуха и всей грудью ощутить, что они еще живы.

Девочка и ангел

– Это все потому, что ты не веришь в чудеса, – сказал Ангел.

– А разве они существуют? – спросила Девочка.

– Конечно. Помнишь, как несколько лет назад тебе ужасно нужна была работа. И один старый друг позвонил тебе и спросил, не хочешь ли ты поработать в одной небольшой фирме?

– То есть это была не случайность... – удивилась она. – Я пришла на собеседование, и в тот же день меня взяли на работу.

– И это происходит на каждом шагу, просто нужно уметь замечать чудеса в твоей жизни.

– Пожалуй, что так, – кивнула она, запивая печенье горячим чаем и кутаясь в плед.

– А помнишь, как однажды к тебе подошел он...

– Он?

– Он.

– Чтобы вы встретились на той улице, я сломал его будильник, а потом облил его рубашку кофе, а потом у него заглохла машина, и ему пришлось ловить такси, а там уже стояла ты. И вы поехали на одной машине... Но ты даже не взглянула на него. Так что чудеса случаются. Только нужно уметь их замечать.

– Я его совсем не помню, – сказала печально Девочка. – Жаль, что и тебя придумала я сама.

Ангел вздохнул и полетел собирать пробку на трассе, чтобы тот самый человек поехал по в объезд, увидел супермаркет и остановился бы купить кофе. А у нее как раз закончатся спички, и она пойдет в магазин. Может, эта упрямая девочка когда-нибудь поверит в чудо и поймет, что для каждой упрямой девочки найдется свой упрямый Ангел.

А за окном летел в тишине первый снег.

Однажды бог пришел увидеть этот мир

На киностудии утро началось после трех пополудни. Растрепанный сценарист презентовал идею нового фильма. Лысеющий режиссер в модных ботинках сидел в кресле и курил модные сигареты, продюсер вальяжно прогуливался по кабинету, студент-ассистент записывал и кивал.

– Он с виду обычный парень, – вещал сценарист. – Работает в офисе, водит машину, носит ботинки и ест на обед суп с фрикадельками. Каждое утро он встает, чистит зубы, принимает душ. Ужасно устает на работе. Попутно получает второе высшее. И потом он вдруг понимает, что все пустое, что он застрял в сансаре. И что нужно срочно вырваться из этого круга. Он покидает привычный мир, не взяв с собой ни денег, ни одежды. День за днем, месяц за месяцем он сидит под городским мостом (под деревом сидеть у него нет возможности, ведь в городе вырубали все деревья). Он сидит несколько лет под мостом и смотрит на воду канала, ест червей, мух и газонную траву. И иногда снег... Вдали от людей и земных благ он постигает истину, отрешившись от поиска земных наслаждений и связанных с ними страданий. Достигнув просветления, Он выходит из-под моста и начинает читать проповеди на Воробьевой горе и творить чудеса. Но его принимают за фокусника, шумно аплодируют. И не слушают, что он говорит.

Потом ассистент разлил коньяк, и они поговорили про духовную жизнь, про оторванность человека от главных смыслов, коими наполнена жизнь.

Вдруг маленькая ассистентка Машенька с розовыми волосами забежала в кабинет и прервала разговор:

– Тут, такое дело, Бог пришел!

Все расхохотались.

– Ну зови, – оживился заскучавший было режиссер.

И тогда в кабинет вошел Бог. Он выглядел совершенно, как хиппи. С длинными волосами и лучистыми глазами. Кожа его была загорелой, а одежда легкой, хотя на улице стоял декабрь.

– Вы, должно быть, прямиком с Гоа, – сказал режиссер.

– Нет, сегодня еще там не был, – ответил Бог.

Перед этим он сидел в приемной режиссера несколько часов. Секретарь, оценив его как малозначимого персонажа, не стала предлагать кофе. Но он терпеливо ждал, и когда пробежала ассистентка, она вдруг запнулась за провод, упала, выронила из рук кипу бумаг и принялась со вздохами все собирать. А Бог сел рядом с ней и помогал.

Благодаря этой случайности, Он оказался в этом кабинете, где вершились судьбы кино. Этому терпеливому посетителю киностудии действительно повезло, потому что попасть на встречу с известным режиссером порой куда сложнее, чем отправиться к Богу.

– Здравствуйте, как раз о вас говорили, – сказал режиссер и прикурил новую сигарету.

– Я мог бы сыграть главную роль, – сказал Бог. – Разломил бы хлеб, превратил бы воду в вино...

– Ой ну нет, дорогой, это уже избитые темы, – отмахнулся продюсер. – А кастинг актеров мы еще не начинали.

– Я бы мог ходить по Москва-реке.

– Никому это не интересно, – сказал со знанием дела продюсер. – Да и на аренде реки у города, небось, разоришься.

– Не знал, что тут так устроено, – ответил Бог и непринужденно сел в свободное кресло.

– К тому же мы говорили не про того бога, – уточнил сценарист.

– Простите, не знал, – удивился Бог.

– Твой бог слишком меланхоличный, – сказал режиссер, обращаясь к сценаристу. – И его все просто посылают. Нормальный бог им бы всем показал, что к чему. Кару бы наслал. Гром и молнии.

– Позвольте уточнить, – вмешался Бог. – Не стоит путать бога с начальником полиции.

– Да не мешай ты, – сказал режиссер. – Сиди. Сансара, дерево, проповеди... Налепил ерунды. Пиши так, – сообщил он студенту-ассистенту. – История будет про обычного парня, у которого ничего нет. И вот в него вселяется бог. И у парня начинается успех в жизни. Деньги, женщины, блестящая карьера.

– Простите, но ведь смысл совсем в другом. Если бы в него вселился бог, он бы занимался не карьерой, а пошел к людям учить их добру и совершенной любви, – вмешался Бог.

Сценарист согласно кивнул.

– Ваше доброе и светлое плохо продается, – ответил продюсер. Так что будем снимать нормальный блокбастер. Так вот, этот парень. Потом появляется богиня, которая тоже вселилась в какую-то земную женщину. И хочет его убить. И тогда Бог начинает свою войну.

Сценарист согласно кивнул.

– Убить бога... войну... – весело рассмеялся загорелый посетитель.

– Да, потому что бог – это не тот парень, которого можно вот так послать, – ответил режиссер. – Машенька, дайте актеру анкету, мы позовем его на кастинг, – кивнул режиссер в сторону Бога.

Маленькая ассистентка выдала Богу формуляр. Он взял бумагу, улыбнулся ей и ушел, весело смеясь.

В тот вечер какой-то хиппи показывал фокусы на Воробьевых горах, собрав большую толпу, после чего был арестован за несогласованное цирковое представление.

А креативная группа до утра продолжила обсуждать новый блокбастер.

Радио советов

Она открыла глаза. Солнечные лучи сочились сквозь шторы в спальню и щекотали ресницы. Муж одевался на работу.

Радио посвистело и произвело:

– Хорошая жена всегда готовит завтрак мужу. А то он найдет, где завтракать.

Вера с готовностью села и протерла глаза.

– Чтобы по утрам быть красивой, надо раньше ложиться спать. Мужчины любят только молодых, – известило радио.

– Да-да, – сказала она. – Сегодня лягу пораньше.

– Что ты говоришь? Я не расслышал, – спросил муж.

– Говорю, ты отведешь Соню в садик?

– Не успею, у меня в десять встреча.

– Хорошая мать не ленится и все успевает, – сообщило радио голосом свекрови.

– Ты сегодня на своей волне. Не опоздайте в сад! – улыбнулся муж, поцеловал ее и исчез за дверью.

– Опаздывают только люди, не умеющие планировать время, – услышала Вера радио.

– Чтоб тебя собаки съели, – сказала она. Радио вежливо промолчало в ответ.

В детской было сонно и тихо. Из углов смотрели куклы и танки. Соня каждое утро встречала одними и теми же словами:

– Мама, можно я не пойду?

– Так надо, – привычно говорила Вера.

– Детям нужна социализация, – подтверждало радио.

– А если я не хочу? Тоже надо? – спрашивала Соня, натягивая колготы и не открывая глаз.

– Нет такого слова «не хочу», есть слово «надо», – в один голос сказали Вера и радио.

В садике в раздевалке они встретили бабушку мальчика Коли. Женщина свирепо взглянула на явившихся и заявила:

– Соня дерется. Вчера она поставила синяк Коленьке. Вот тут, на ножке.

– Соня, за что ты так? – удивилась Вера, силясь разглядеть синяк.

– Он сказал мне, что без хвостиков я не девочка, – фыркнула Соня.

– Вы воспитываете девочку как мальчика! А девочка должна быть послушной. Иначе на ней никто не женится, – заявила бабушка.

Подключилась воспитательница Ольга Владимировна.

– Мы приучаем Сонечку к рисованию и не даем ей танки.

– Моя дочь не любит рисовать.

– Ей полезно. Чтобы не драться. Вы наказываете ребенка?

– Нет.

– Строго? А ваш муж?

– Ты плохая мать, – резюмировало радио.

Вера вздохнула и, выйдя из сада, ощутила такую усталость, будто она всю ночь разгружала вагоны. Нужно было сходить в магазин, сделать уборку и обработать двести фото со свадьбы клиента.

По дороге Вера встретила знакомую.

– Как ты похорошела! Поправилась! – сказала она.

– Ты толстая, – усмехнулось радио.

– Чтоб тебя! – не выдержала Вера. Знакомая поперхнулась и быстро исчезла за поворотом.

том.

– Мужчины любят худых, – хрипло сообщило радио.

– Когда я была худой, ты говорило, что они любят попышнее.

– Просто с тобой всегда что-то не так, – увильнуло от ответа радио.

Нестерпимо пекло солнце. Сердце билось все быстрее. Вера присела на скамейку на детской площадке. Голова была горячее и вдруг закружилась. В глазах потемнело.

– Голову напечет, – сказала радио маминым голосом.

И все исчезло.

Вера оказалась на пыльном чердаке, заваленном старыми вещами. Укутавшись в паутины, тут стояли комод, два стола, ламповые телевизоры, магнитофон, семейные альбомы, кукла-неваляшка, конь-качалка и первый Верин трехколесный велосипед. Внезапно она услышала знакомые посвистывания и тихо, на цыпочках, направилась в дальний угол чердака.

– Хххх... Кххх, – доносился оттуда хрип, становившийся все ближе.

Под детскими платяницами, школьными тетрадками, сандалиями и виниловыми пластинками она нашла источник звука. Радио! Оно было тяжелым и выглядело старше Веры на целую жизнь.

– И вот ты в моих руках, – сказала Вера немного мстительно.

– Слушай меня внимательно, – быстро скомандовало радио, прочистив голос. – Ты должна быть хорошей дево...

На секунду Вера ощутила легкую слабость. Но ее палец повернул колесико еще до того, как она успела дослушать. Раздалось шипение, затем тишина и снова шипение. Вера двигала колесико дальше, и вот на одной из частот она услышала свой собственный голос.

– Давно тебя не было на своей волне, – сказал он.

В тот же миг Вера очнулась на скамейке, чувствуя себя бодрой и полной сил. И собственный голос спросил у нее:

– Чего бы тебе хотелось прямо сейчас?

Ответ был готов. И Вера встала и отправилась в сторону сада, чтобы забрать Соню. Сегодня будут аттракционы вместо тихого часа и мороженое вместо супа. А все остальное подождет.

Открытая дверь

Дом был небольшим – с одной комнатой, ванной и кухней. Тут всегда пахло сыростью. Входная дверь давно разбухла и наклонилась, ища опоры. Ее уже и не пытался никто закрывать. Окно по обыкновению тоже распахивалось настежь – из-за запаха плесени свежее дыхание улицы было здесь необходимо, как кислородный баллон водолазу. Периодически налетающие сквозняки приводили все в движение: то взлетали со стола листки с заметками, то взмывали в воздух прикрепленные к карнизу белые шторы.

В доме жила Она.

Однажды она проснулась от того, что рядом кто-то храпел. Она совершенно четко помнила, что засыпала одна. Ночник подсветил рядом в спальном мешке бородатого мужчину.

– Вы кто? – спросила она спокойно и пнула незваного гостя по ноге.

– Мне просто надо где-то поспать, – буркнул он, не открывая глаз. – Я турист, не спал два дня. Неужели вы прогоните меня в такой дождь?

Она услышала, как шумит ливень. Встала, нащупала ногой один тапок, со второго согнала мокрого соседского кота. Она сидела в кресле, поджав ноги, и читала книгу. Гость храпел, дождь шумел, кот гремел тарелкой, доедая оставленную с вечера котлету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.